

С НАРОДОМ И В НАРОДЕ...

И Чувашия, и Башкирия похожи на карте на два сердца. Бьются они в одном ритме. И еще напоминают ладони... Испещрены они морщинами-оврагами, взбухают на «ладони» Башкирии, словно каменные мозоли, – отроги Уральских гор, на «ладони» Чувашии – седые холмы Приволжской возвышенности.

В теплой своей «ладони», словно в колыбели, взрастила башкирская земля двух крупнейших чувашских поэтов: по-башкирски – батыров, по-чувашски – улыпов национальной поэзии.

... Меня всегда озадачивало: почему среди больших поэтов, писателей так редки кровные, родственные связи? Можно воспринимать как некое исключение: основоположник чувашской поэзии Константин Иванов и народный поэт Чувашии Яков Ухсай – троюродные братья, и хоть выпала им судьба жить и творить в разное время и отмерить разное число лет – оставили они в чувашской поэзии глубочайший след. Чтят эти имена и башкир, и татарин, и русский, и украинец, любители поэзии многих национальностей в нашей стране и за рубежом.

... Родина Константина Иванова и Якова Ухсая – небольшое село в сто пятьдесят дворов на перекрученной оврагами и горами земле. Слакбаш, называется оно по-башкирски, Слакпуç – по-чувашски, а означает это одно – голова, начало Слака – малой извиистой речки, которая полощет стеклянные пряди своих струй в светлых известковых камнях.

В туман,
Объявший всю округу,
Я словно в юность окунусь.
Лишь протянуть осталось руку –
Взойдет село мое
Слакпуç.

Трудная и многотрадальная доля досталась этой земле. Так говорит о ней Яков Ухсай: «Моя родная земля, пропитанная вековым народным горем, соленым потом, горячими слезами и святой кровью, дорога и любима мне с детства, и любовь к ней стала темой моих стихов и поэм. В детстве на этой земле я молился звездам о счастье, нашел его и остался в долгу перед ней».

Начало жизни, отсчет времени начинается с рождения человека. Можно представить себе начало жизни Якова Ухсая по его стихам и поэмам: ведь творчество поэта – а это одно из характерных его особенностей – глубоко автобиографично.

Раз
моему отцу
башкирин, добрый малый,
верблюжью шерсть отдал
за Демою рекой.

Мать мягкий войлок
из нее сваляла,
на нем и родила
меня в ночи глухой...

В древнем роду Пргта праздник – родился ЧЕЛОВЕК! С искрою в сердце –
ПОЭТ!

Огонечек золотой
На лучинке тонкой
Вспыхнул светлую звездой
В луже пред избенкой...

Яков Ухсай как-то упомянул, что воспоминания, особенно детства, – одна из радостей его жизни. Детство, питающее своими жизненными соками будущее, остается навсегда прекрасным!

В семье было шестеро детей: три мальчика и три девочки, и вспоминает в стихах поэт:

... Дымные полаты,
Худые миски
В три ряда.
И дымом пахли
Книжки, платье
И немудреная еда.

Отец... Вот как предстанет он – уже через много лет – перед глазами сына в его стихах: «мой отец большой и добрый». Он – верящий в счастье пахарь, работяга. Те же слова повторяет старая Настюк-аппа (тетя Настя – Анастасия Васильевна Советникова) – старшейшая землячка Якова Ухсая: «Хорошо помню Гаврилу. Был он черноволос, слегка кучерявый. Неразговорчивый, не очень общительный, он никогда ни с кем не ссорился, не ругался, по-доброму умел пошутить, да так, что никто на него не обижался. Мечтал он вывести детей своих в люди...». Я. Ухсай писал образ деда Кельбука со своего отца. «Когда я переехала в Слакпуç к мужу, Яков совсем молоденьким был: всего-то семнадцать лет, он учился в Бижбуляке, Уфе... Серьезный такой, скромный был, читал, читал и читал. Девушки о нем говорили: «Он даже на нас не глядит, а все – в книжки да в книжки...». Мать у них добрая очень была, любила петь, знала много песен, сказок, одинаково хорошо говорила на татарском, башкирском, чувашском языках».

В своих стихах вспоминал Ухсай о своей детской и юношеской любви к книгам:

Я читал,
Краснели веки, –
Ел глаза угарный зной.

И любовь эта навсегда – бывало, как ни придешь к поэту в дом в гости, он всегда за работой, чаще всего увидишь его с книгой или склоненным над исписанным листком бумаги...

* * *

Когда мы с учителем истории местной школы-интерната, краеведом Гурием Герасимовичем Макаровым, выходили из царства самотканых ковров Настюк-аппа, остановились у охровокрашенных резных ворот дома, с изображением остролучащихся деревянных солнышек (так, говорят, воспринимали солнце еще язычники-чуваши).

– Точно такие, говорят, были ворота у дома Константина Иванова, – заметил он и, кивнув на древние ивы напротив, продолжил: – А здесь часто делал зарисовки к иллюстрациям его поэмы «Нарспи» художник Петр Сизов, часто приезжал он в Слакпуç, деревню Сильби, работал месяцами на Сильбийских «розовых лугах».

– Есть у нас в Слакпуçe, – заговорил опять Гурий Герасимович, – ива – прашур всем своим собратьям... – и подвел меня к дереву, – глянешь ввысь на его крону, цепляющуюся за облака, – шапка упадет. Кора на иве покрылась седыми струпами и похожа на чешую какого-то доисторического животного.

Подумалось – у этого дуплистого корявого дерева наверняка бывал Константин Иванов, был и юный, а затем посеребренный сединой Яков Ухсай. И живет эта ива и трепещут на ней на ветру говорливые листья...

– Я как-то ребятишек сюда привел, измерили мы ее – восемь обхватов! Село Слакпуç ... В десяти-пятнадцати километрах от Белебея... Проносились когда-то в этих местах лихие джигиты Салавата Юлаева, Тудимера, Чапаева, кипели бои гражданской. Совсем рядом – в двух-трех километрах – станция Глуховская.

С севера подступают к селу необозримые черноземные поля, опоясывает их по горизонту, вьется черными ремнями железная дорога Казань–Уфа. Притулилось село, словно к могучим плечам, поросшим густыми травами горам. И у каждой имя свое... Ковальная гора, Вишня-гора, Гора Сухого Оврага, Киреметь, Эльми, Гусли-гора. И в слове каждом – народное видение природы: верно – на наковальню дымной кузни похожа Ковальная гора, будто огромная вишня подкатилась к его боку гора-Вишня. На Киреметь приносили язычники-чуваши жертвы и подарки боже-ству. Эльми, утверждают люди, – имя красавицы-чувашки с несчастливою долей. Ну, а Гусли-гора повторяет очертаниями своими звучно-музыкальный инструмент. Невдалеке, за Киреметью, Чўқсырма – тоже гора поклонения, сюда собирался от мала до велика окрестный люд, раскладывал на расшитых узорчатых полотенцах подношения: яйца, хуплу, шǎртан, турах, чǎкǎт.

Богатство Слакпуç? Родники! Звенят, сверкая струнами-струями, перехлестываясь, бьют они из сердца гор. Чиста и прозрачна, словно глаз журавлиный, струя...

Попьет щегол – и голос чище станет.

Попьет девчонка – краше во сто раз, –

удивленно и образно сказал об этой радужной струе Яков Ухсай. Великое множество родников рождают древние горы. Старинное чувашское поверье повествует: присел здесь как-то сказочный Улып, вытряхнул землю из былинных своих лаптей – и появились горы, а там, где касался его посох земли-матушки, выбивались мощные родники. Семь таких богатырских родников радужно струятся в селе Слакпуç в скользких желобах из липовых стволов. Один из них особенно памятен и дорог

сельчанам, всем нам: отсюда вырываются из Киреметь-горы струи, поившие Константина Иванова, сюда приходил за студеной водой молодой Ухсай. Она вошла в кровь двух поэтов.

Звонко с желоба струится
Родниковая вода,
Серебром блестит на солнце
И сегодня, и всегда...
(К. Иванов. Поэма «Нарспи»)

И сегодня, и всегда!..
Здесь родники
Бегут счастливо,
Рождаясь в недрах
И полях,
По желобам неприхотливо
Сбегают шумно в речку Слак.

Часто приходил я к Ивановскому, Ухсаевскому роднику за глотком невыразимо вкусной ледяной воды, от которой, между тем, уверяют, никогда не бывают простуды, прикоснувшись ладонью к водам родника.

* * *

... Клубится, выкручивается в берегах прозрачная до донного камушка, малая речка Слак, сама напоенная дивной водою родников, моет-подмывает красный обрыв, поросший чертополохом и полынью. Обжигает холодом воды узластые корни ив.

Вот она речка Слак, совсем такая, как о ней писал Константин Иванов:

Близ дубравы протекая,
Речка резвая шумит.
Солнце, гладью вышивая,
По волнам лучом скользит...

Только по камням, что на дне реки, можно подобраться к полосатому каменистому обрыву Ковальной горы – обнажила земля древние свои породы, историю. Словно плачет здесь гора каплями и струйками ключей. Плачет... и поет. Песни и плач отозвались навечно в душе Якова Ухсая, в его поэзии, так же, как народные сказки и предания, как и песни матери и ее горькие слезы:

Рожденный в горькую годину,
На горькой лебеде я рос.
И мать моя на очи сыну
Роняла капли горьких слез.

Да, были песни матери, любимые Якку с детства:

Эти песни ты нам петь любила,
Ими и светла была изба.
Горе в них и счастье было,
Вся твоя нелегкая судьба.

И песни эти достались ему в наследство. «Ласковые песни и мудрые сказки матери, героические легенды и предания, которые рассказывал отец, заронили в мою душу первые зерна народной поэзии». Я. Ухсай.

Бывая в Слакпуҫе, заходил Ухсай к «старушкам милым», чья молодость грустит в тумане, одну из них – Василису-аппа (Василиса Ивановна Никифорова), просил: «Спой твои старинные песни, не уеду не послушав...»

И вот, уже нам, как и Ухсаю, запекает Василиса-аппа от предков наследную, гостевую песню: «Толокли мы конопель, обвязывали белой шелковой лентой, чтоб не рассыпался сноп. Пусть шелковая обвязка никогда не разовьется, пусть все желания твои и мечты сбудутся». (Перевод вольный – В.Д).

... А детство шло своим чередом:

Мне шел восьмой.
И говорила нам,
Что счастье впереди,
Что будет хлеб пшеничный,
Будет каша
И соль в солонке:
На ленись – соли.

Все было в его детстве именно так, как говорится в чувашской пословице: отец научит тебя ходить, мать научит первому слову и песне, отец и мать – мечтать, ну, а жизнь – всему остальному ...

И все в округе и жизни казалось незыблемым, словно в сказках, навек уснувшим.

Сколько раз я
Сказки эти
Слушал в душевной тишине...
Вдруг однажды
Красным ветром
Знамя вспыхнуло в окне.
Те счастливые мгновенья
Я запомнил только так:
Имя – Ленин.
Слово – Ленин
прохожих на устах.

И слухи, и имя это разбудили дремотные края, с ними связывал народ вековые мечты свои о земле и счастье. И молились рано повзрослевшие детишки и небу, и луне, и солнцу, и природе, которую привык исстари обожествлять чуваш:

О мир весенний!
Не побей нас градом,
холерной хворью не коси!

Кровопролитье захлестнуло село, затерявшееся меж Белебеем и Уфой, из рук в руки – от белых к красным, и наоборот – переходило оно, а к красным, значит, к своим. Их прихода ждало все село, мальчишки – а среди них и Якку.

Из красных лент
Мы звезды вырезали
Не для того
Чтоб подержать в руке,
Они нам всемогущими казались
Сильней в сто раз,
Чем крестик на шнурке.

И вот – великий праздник: по улицам деревни «процокал копытный танец легких верховых». Теперь навсегда наша власть:

Помню:
Даль в глазах рябила,
Небо –
В праздничном огне.
Цвета вспыхнувшей рябины
Мать рубашку сшила мне.
Я надел ее не просто:
Наше знамя на войне...
Красное
Всегда по росту
Приходилось в жизни
Мне.

И еще одно счастье выпало тогда на долю Якку: он увидел Чапаева, всенародного героя:

Такой герой, а с виду не похож.
Он сухощав и в повороте резкий,
весь как огонь, как на пружинах весь.
Как будто он из наших деревенских, –
родился здесь. И поднимался здесь.

С именем Чапая у мальчишек, у взрослых связано понятия счастья, славы: ведь по-чувашски «Чап» – «слава»... Якку младшего братишку Кирле выносит на руках за ворота, дабы и он посмотрел на героя «И бурка словно крылья от грозы», чтобы и он запомнил этот день, ибо «с него большое счастье началось».

* * *

Как-то Яков Ухсай обмолвился: «Всякий человек в жизни чему-то учится. Так и я, научился ходить, говорить, петь песни, плести лапти и ходить за плугом, считать, читать, потом научился писать самодельным карандашом из кленовой палочки с плавленным оловом в сердцевине... И потом – слагать стихи, рыть окопы, стрелять, водить тяжелый танк...» – И добавил: «Только едва ли я скажу, что научился

писать книги, хотя и пишу более сорока лет...». Так возникло литературное имя Ухсай.

Как на качелях я –
На зависть трусам –
Стремительно взлетал
Над верхним брусом
И успевал при этом крикнуть:
«Ух!»

Один мариец,
Свой оставив край
У нас в деревне
Летом пас скотину,
Бывало, подойдет ко мне,
Как к сыну,
По голове погладит,
Скажет:
«Сай» –

Так значит,
Мне и горе не беда,
Я всех других людей
Ничуть не плоше,
Ведь по марийски
«Сай» – это хороший.
А я и «Ух!» и «Сай!» –
Вот это да!

В это время мальчик Якку учится в сельской начальной школе. В одной комнате размещались в ту пору ученики всех четырех классов. Старожилам села Константину Егоровичу Архипову и Филиппу Степановичу Николаеву известный поэт помнился просто мальчиком Якку, который, учась во втором и третьем классе, был сообразительным, удивительно споро решал задачи ... по математике за четвертый «выпускной» класс, которые задавал ребятишкам учитель Василий Григорьевич Григорьев, близкий друг семьи Константина Иванова. Упоминал об этом и Михаил Никитич Яковлев, односельчанин, энергичный, жизнелюбивый человек, богатой и интересной судьбы. Говоря о своих далеких школьных годах, он вспоминал брата Якова Ухсай, Кирилла, о том, что непохожи они были: «Оба они были очень способны к учебе по всем предметам, только Яков был усидчивым и терпеливым, а Кирилл слегка ленился, об этой его слабости брат написал, может в назидание ему, насмешливое стихотворение. Кирилл выделялся своим ростом и силой, но никогда не пользовался ею, был добрым и отзывчивым, как и все в их роду... Много стёрлось с той поры в памяти, но расскажу об интересном случае. В одном классе со

мною училась дочь Квинтилиана, брата Константина Иванова, Чегесь, по-русски «ласточка». Однажды она принесла в школу какой-то блокнот с рисунками. Сидят они, значит, на переменке с девчонками за партой, шушукуются, хихикают, что-то обсуждают. А мы, мальчишки, норовим заглянуть через их спины. Оказывается – это были рисунки ее дяди Константина с надписями, вроде «Женщина-неряха», «Я – в зеркале»... Это я сам лично видел, не знаю, сохранились ли эти рисунки... Вообще, Ухсай очень дружил с Квинтилианом. В деревне было пять хороводов. Яков с Квинтилианом ходили в один из них».

– Михаил Никитич, а где стоял дом Якова Ухсая, тот, который тогда сгорел?

– А... это недалеко от дома Константина Иванова. Нынче там огороженный пустырь.

... Четырнадцати лет Ухсай ушел из дому, пешком с матерью прошагали они сорок верст до Бижбуляка в интернат-школу крестьянской молодежи (ШКМ).

– Собрался он в дорогу, – вспоминают неутомимые в разговоре старики Константин Егорович Архипов и Филипп Степанович Николаев, – в белых шерстяных чулках, в лаптях, холщовая сумка – через плечо. Отец их провожал, Гаврила – Кевриш...

В эту школу съезжались чувашские дети окрестных селений, русские, башкирские, татарские, мордовские ребята, дети украинских переселенцев. Вначале принимались туда только сироты гражданской войны, потом дети батраков, бедняков. Их кормили бесплатно. Затем стали зачислять детей и более зажиточных, середняков-единоличников, но с условием, что родители будут обеспечивать не только их питанием, а кроме того, и одного-двух других детей. Одевали в той школе в определенную униформу, но в первый год учебы Якова этого не случилось, поэтому проходил он это время во всем домотканом...

* * *

В дни пребывания моего в Слакпузе удалось мне познакомиться с сестрами Якова Ухсая – Ольгой Гавриловной (Ульга) и Анисьей Гавриловой (Униссе). Но не сразу: то хозяйки затеяли белить стены и потолок, потом красили полы, потом подвела их угарная печка, которую решено было переложить... Но все же встреча состоялась, и вот один из эпизодов того дальнего времени, о котором они поведали:

– Яков работал в колхозе «Траль», так он назывался до объединения в «Дружбу», вместе с отцом. Петр Иванов, младший брат К. Иванова, его друг, знатным человеком был – на жнейке трудился... Писать стихи Яков начал с двенадцати лет... А когда учился он в Бижбуляке, к нему приезжал отец, привозил еду. Однажды несчастье приключилось. Весной, уже таяло все, и гора Киреметь черною стала... Надо было им переезжать речку. Слезли они с саней, лошадь перешла, отец перешел, а Яков провалился в воду... Потом молодой мороз приударил пока добирались до дома. В избе еле-еле ботинки с него сняли: мокрые, примерзли к ногам. Мать долго-долго лечила его всякими травами да снадобьями...

И будто подтверждая это, чуть улыбается с фотографии на стене Яков Ухсай, заснятый у могучей ивы («два великана», – пришло в голову сравнение); утверди-

тельно смотрит со стены брат его Кирилл (Кирле), погибший в Отечественную войну. Запечатлен он в военной форме, сурово напряжено его лицо, крепко и решительно сжаты губы. Таким его знали, таким и я запомнил его... Рядом фотографии еще маленьких дочерей Якова Гавриловича – Лёли и Лены, ну, а их я знаю с самого детства...

... В Бижбулякской школе-интернате Яков Ухсай учился, здесь окрепло его знание татарского и башкирского языков, а этим поэт гордился всегда. «В этой дружной многонациональной семье, – писал он впоследствии, – я стал секретарем пионерского отряда имени Буденного и чувствовал себя на седьмом небе... Шутка ли, я первым в нашем роду получил выборный пост!».

Здесь же, упомянул поэт впоследствии в своей автобиографии: «изучение русского языка открыло для меня поистине сказочный мир. Я задушевно беседовал (это же куда больше, чем читал – В.Д.) с Пушкиным и Лермонтовым, с Алексеем Кольцовым и Иваном Никитиным, Некрасовым...». Постигает мировую литературу.

В школе он организует литературный кружок, выпускает газету, где печатались стихи на шести языках. Становится селькором издаваемой в Москве газеты «Чувашский крестьянин». Огромную тягу школьника к знаниям заметили сразу. Понимая природный его талант, директор школы подарил ему книгу Байрона «Лирика и сатира». «Я в знак искренней благодарности, – напишет Я. Ухсай в своей автобиографии, – два дня колот дрова для школьной кухни...»

Крестьянское детство, земля, родина, революция, война, интернационализм заложили фундамент мировоззрения, мирооценки и творчества будущего поэта. И все это отразится в его могучей поэзии, драматургии, публицистике.

Благосклонно отнеслась к Ухсаю судьба, одарив его верными друзьями. Много друзей у него было и в Уфе, когда он учился на подготовительном отделении Института народного образования. А чтобы поехать туда, отцу Ухсаю пришлось продать десять пудов зерна...

Среди новых друзей были башкирские литераторы – Батыр Валидов, Рашит Нигмани, Сагит Агиш, Баязит Бикбай (да и сейчас имя Ухсаю в Башкирии стало чуть ли не паролем при знакомстве с прозаиками и поэтами). И среди них как яркая звезда сияет имя классика башкирской литературы Мажита Гафури. Ухсай вспоминал: «Пузатый медный самовар, видимо, тот самый, из которого пили крепкий чай Габдулла Тукай и Шейхад Бабич, своим кипением сопровождал беседы прославленного поэта со мной». В стихотворении «Меня татаринном считают» мы читаем такие строчки об этом:

С Мажитом Гафури, бывало,
Не раз я по Уфе гулял,
Тогда – ни много и ни мало –
Большим поэтом стать мечтал.

А на дому, меня встречая,
Кипел пузатый самовар,

Мне Гафури стаканчик чая
Преподносил, как песню, в дар...

Все сказанное здесь всплыло в памяти, когда в Уфимском музее М. Гафури я воочию увидел тот знаменитый – исторический теперь – «пузатый медный самовар»...

1930 год для девятнадцатилетнего Якова Ухсая стал этапным: он поступил в Московский университет, подружился с Мусой Джалилем. Сотрудничает он в чувашской центральной газете «Коммунар», утверждает в убеждении здорового начала реализма, занимаясь в творческих семинарах замечательных мастеров слова – Леонида Леонова, Федора Гладкова, Василия Казина, Николая Асева... Как всегда, много и с упоением читает.

Это было нелегкое, голодное и противоречивое, но восторженное время... Тогда же, тоже в Москве, училась и сестра Ухсая – Елизавета

«Жили небогато, но им отправляли посылки с продуктами», – задумчиво рассказывала при встрече Ольга Гавриловна.

Через три года Ухсай возвращается в Чувашию. Избран делегатом в состав группы от Чувашии на Первый съезд советских писателей, он слушает великого Горького. В дальнейшем он напишет об этом так:

И силой я захлестнут необычной...
И вот с трибуны сходит великан...
Многоплеменный и многоязычный
Шумит хлопков и криков ураган...

Затем – в родные Слакпус: позвала его отчая земля, к которой нужно было ему сейчас прикоснуться, чтобы набраться от нее глубинных и подспудных ее сил. «Живя в деревне, я отыскал, как говорят, золотоносную жилу народной поэзии...» «Чувашский народ сберег три бесценных сокровища за свою многотрудную, многовековую историю – сто тысяч слов, сто тысяч песен, сто тысяч вышивок» – пишет поэт. Здесь начали зримо проясняться идея и сюжеты его знаменитой поэмы «Дед Кельбук» и романа в стихах «Перевал», Акшкӱль – эти полотна народной жизни.

Исторически и национально глубоко связаны их корни и образы с чувашской землей и народом, поэтому поэтически они остаются оригинальными произведениями чувашской литературы, поэтической хроникой его истории, отображается в них чувашский национальный характер. В 1934 году вышла первая книга стихов Якова Ухсая, затем были изданы стихотворные сборники «Книга радости», «Сельская хроника», и главные герои в них – родная земля, народ-труженик, строитель.

Здесь он и встретился с Александром Твардовским. Вот как описывает Яков Ухсай начало своей крепкой, более чем тридцатилетней дружбы с Александром Трифоновичем. «Я был вынужден уехать из Чувашии в конце тридцатых годов (в феврале 1938 года). Демьян Бедный спрятал меня в Малеевке. Проснулся я от стука в дверь. – Жив? – спросил чей-то голос. Я открыл глаза. – Твардовский, – сказал мне высокорослый русый человек с синими ясными глазами и легко пожал мою

руку, как бы остерегаясь причинить мне боль. Вот тогда-то мы и познакомились с Твардовским. В эту минуту предстал предо мной мой второй ангел-хранитель в моей трудной судьбе, началось мое душевное возрождение, начался новый приход к жизни, пожалуй, разный моему золотому детству».

* * *

Война... Мое поколение только училось ходить и произносить первые слова: мама, родина... война... Война... Яков Ухсай с первых дней пошел добровольцем на фронт рядовым, затем, став военным корреспондентом, он пишет «ежедневно и ежечасно короткие очерки и заметки об участниках жестоких сражений» с передовой, а когда выпадет минута – стихи, достоверные и, одновременно, лирические и многокрасочные, полные гнева и ненависти к врагу, горечи о погибших друзьях, о тоске по Волге, родных ему Чувашии, Башкирии, полные веры в победу. Вот они, осязаемые сквозь годы, строки о тех драгоценных и горьких поэтических минутах:

Брожу в пороховом дыму, в огне.
В блокнот впишу я строчку о войне,
Впишу и вновь его – за голенище...

Многоструйно звучат в военных стихах поэта публицистические ноты:

Я буду сражаться; мой гнев не остынет,
И враг не уйдет, не избегнет суда.

Война закалила поэзию поэта, но не потеряла она своей исконной образности, данной самою землей и судьбой, и видится она в стихах тех огненных лет: «Ах, гу-си в небе!..», «Родной язык», «Дождь», «Вон в небе журавли...», «Когда над простором сожженных полей...», «Письмо»... Отзовутся события и потери войны в послевоенных стихах и поэмах, таких, например, как «Слакпус», «Радуга над Сильбийским лугом» и, в особенности, в поэме – «Разговор с белой березой...».

В 1942 году, когда поэт был в военном госпитале под Воронежем, в атаке под Ельней героически погиб его младший брат Кирилл. Глубоко потрясенный его гибелью, Яков Ухсай пишет поэму «Шӓллӓм».

Не думаю, что ошибусь, если скажу, что для каждого детство – самая быстротечная пора, помнится оно по отрывочным эпизодам. Одними из них были для меня эпизоды, связанные с приходом в наш дом, к отцу моему, Якова Ухсая. Поэту не было тогда и сорока лет. Я в первый раз встретил человека, который бы так любил детей, он мог сам, по-мальчишески долго и самозабвенно, с каким-то внутренним пониманием и чутьем души маленького человека часами играть с ним, просто баловаться. Он знал, что это значит – детство... А как ведь это важно было ребятишкам тех лет, детство которых проходило в хлебных очередях под крылом черного слова «война», почти все игры которых были военными! Только много лет спустя я оценил это свойство сердца Якова Ухсая, поэта и человека, а тогда, может впервые, осознал, что – точно! – войне конец!

В те годы чувашские писатели-фронтовики часто собирались вместе, это было фронтовое братство, и однажды решили они сфотографироваться вместе. Фотография эта стала исторической: многих этих писателей уже нет среди нас. Григорий

Краснов, Алексей Талвир, Леонид Агаков, Александр Алга, Василий Алагер, Василий Долгов, Кузьма Пайраш. И среди них запечатлен на этом фото совсем еще молодой Яков Ухсай...

... После войны Я. Ухсай окончательно завершил задуманные на заре юности замечательную свою поэму «Дед Кельбук», романы в стихах «Перевал», «Акăшкўль», они вышли в Чебоксарах и в Москве в переводах. Выдающийся советский писатель Александр Фадеев писал:

«Из произведений большой поэтической формы я должен выделить повесть в стихах чувашского поэта Якова Ухсая «Дед Кельбук», как одно из наиболее интересных и замечательных явлений последних лет».

Одним из его переводчиков и переводчик поэмы Константина Иванова «Нарспи» был признанный мастер слова Борис Ирнин, в те послевоенные годы он часто приезжал в Чебоксары. Нередко можно было встретить у дома Ухсая, недалеко от Дворца пионеров, двух оживленно беседующих разновозрастных людей.

Память донесла с той поры трагический случай пожара, охватившего дом, где жил в те годы Яков Гаврилович, в нем погибли все его рукописи... И не забыть горе поэта, и не забыть тот прилив его творческих сил, который охватил его горячим пламенем: восстановить, воссоздать утраченное – к этому были направлены все мысли и чаяния поэта...

В послевоенном поэтическом труде Якова Ухсая многострунно и глубоко звучала тема всенародно-исторического подвига советского народа в Великой Отечественной войне, сквозит в ней и горечь утрат, и счастье нашей победы над ненавистным врагом:

Гром отгремел. Добили змея,
Моя отчизна, мой народ.
Но вспоминаю я, немея,
Огонь, и дым, и кровь, и пот;
Друзей, которые с боями
Пройдя от Дона до Карпат,
Лежат под желтыми буграми,
Под звездами из жести спят...

И с тревогой думает поэт вслух: «А хорошо ли мы войну доби́ли? Вдруг у нее подняться хватит сил?..»

Углубленный взгляд поэта вздымает новые тематические пласты. Многообразно и широко раскрывает Яков Ухсай, казалось бы, традиционную тему своего творчества о Земле. Своими стихами, и не только ими, но и своей яркой публицистикой. Прошагавший по выжженным дорогам Европы, «гвардии советской капитан», четыре года видевший «необратимо черный цвет», испытавший самую смерть, которая была в ту пору гораздо ближе, чем залп Победы над страной, когда плавилась звезда касок друзей в крошечном пламени войны, от пашен и крутых гор родной земли подымается поэт к объемному образу Земли – колыбели человечества. Планеты, за сохранность которой ответственны ныне каждый из нас, а поэт –

тем более... Поэма «Разговор с белой березой» – одна из сильных и эмоциональных поэм сборника «Звезда моего детства», за который Якову Ухсай присуждена в 1972 году Государственная премия РСФСР имени М. Горького. Вот как объединяет в ней поэт с вершины поэтических лет образ земли-кормилицы, земли детства и Земли – родины человечества:

Я славлю
Выкрик петушиный,
Как самой благотворный шум.
И мирной ночи
Мрак кромешный,
Рассветный звон
Косы и вил,
И солнца луч,
Крутой и нежный,
Земле
несущий
хлорофилл!

Жизнь научила поэта стрелять и водить тяжелый танк, но в огненном горниле войны научила осязать душою и сердцем высшее понятие – МИР, ЗЕМЛЯ:

МИР! Я светлей не знаю цели.
Ему – как будто в бой идя –
Я присягнул у колыбели,
В который спит мое дитя.

Строки эти, дышащие уверенностью в МИР на ЗЕМЛЕ, останутся злободневными, покуда не исчезнут на ПЛАНЕТЕ силы, обрекающие народы на войны, бедствия, лишения.

Особо хочется вспомнить о том, что Яков Ухсай дал литературную жизнь многим молодым поэтам, прозаикам. «В бытность его работы в Чувашгизе, – вспоминает чувашский поэт Юрий Петров, – мы, сельские школьники, пришли на экскурсию в издательство, типографию... Яков Гаврилович, он рассказывал нам о поэзии, поэтах, впервые из его уст я услышал таинственные для меня слова... матрица, клише, набор... Он стоял «у зыбки» моих первых поэтических строк...»

... Родина поэта... Стою под туманным проснувшимся утренним солнцем, под тающим, словно льдинка, бледным месяцем на вершине Гусли-горы, у белого камня – о нем пишет в своих стихах поэт, сохранился он и поныне на ее вершине:

Над живыми родниками
В бликах солнечной игры
Я сажу
На белом камне
Дорогой Гусли-горы.

Обволокли этот камень, посоленные инеем травы... Тишина, слышно, как где-то у далекого Красного Яра гремит трактор, колодезным ожиданием томятся жур-

чами молодого солнца. Мечта его не сбылась, рассказывала мне его мать Евдукинге.

На этой горе, в родном селе, обдумывал сам Ухсай свою первую комсомольскую поэму «Свадьба» (Перевод Н. Бусыгина, 1937 год), книгу стихов «Сельская хроника», название это использовал впоследствии Александр Твардовский, подаривший своему другу поэму с такой надписью: «Эта книга обязана тебе своим названием. Буду рад, если и она тебя чему-нибудь обяжет».

Из окон дома-музея Константина Иванова, от морщинистой осины, которую посадил своими руками поэт, от водоразборной узорной чугунной колонки, носящей имя «Нарспи», которое дали ей чувашские литераторы, видна выложенная на склоне Киреметь-горы надпись «Кашлатӑр Иванов вӑрманӑ» – «Пусть шумит лес Иванова» (строка из стихотворения Якова Ухсяя)...

Поэзия Константина Иванова, поэзия Якова Ухсяя золотыми буквами вписаны в антологию чувашской и российской литератур, впрочем, как и все их творчество. И каждый из нас духовным становлением своим в немалой мере обязан этим именам.

Главное поэтическое и гражданское кредо выдающегося чувашского поэта Якова Ухсяя можно выразить его строфами, заключающими и его творческую сверхзадачу, и народность его поэзии.

Как бы ни было мне круто
На изломе тяжких дней,—
Не жалею ни минуты
Жизни прожитой моей.
Был с народом и в народе,—
И народ со мною был.

Во всех этих словах явственно виден поэтический подвиг Якова Ухсяя, они – образец поэзии, волнующей сердце и душу.

Слакпуç (Башкирия) – Чебоксары (Чувашия), 2011

Подготовила к печати О. Ухсай. Июнь 2011 г.